

Этот день выдался ей богатым на встречи. Она увидала некоторых знакомых, которых не видела годами, а других и десятилетиями. Нине показалось это даже удивительным! Хотя, она тут же подумала о том, что эмигранты из республик бывшего СССР, приехавшие в ФРГ в последние десятилетия ХХ века и в первые годы XXI, если даже не знали друг друга, то знали друг о друге!

Но что отметила для себя эта худенькая небольшая женщина, прия в свою съёмную квартирку, что все эти сегодняшние встречи оказались не только малоприятными, а пожалуй, если их определять по шкале «от неприятно до жутко», пожалуй именно последними?! А ведь все они были соотечественниками??!

Первой в галерее торгового центра она встретила знакомую, с которой училась на языковых курсах по приезде, это было двадцать лет назад! Даже осведомлённая о Нининой привычке не задавать вопросов, та тут же заявила о том, как хорошо окончила гимназию её внучка, с каким отличным баллом! С таким можно было попасть в самые престижные старинные университеты! Нина кивала в ответ, хотя она, как практически все «русские», волей-неволей узнала (ей сообщило «эмигрантское радио») что эта самая внучка не была допущена к экзаменам на абитур – так здесь именовали экзамены на аттестат зрелости! В очередной раз она безмолвно поругала себя за свою, совсем не «избирательную память», в которой помимо её воли застrevало абсолютно всё, всякая чушь!

Правда, у Нины был другой, существенный недостаток, скверная память на лица. Большинство людей казались ей похожими друг на друга?! Потому и здесь в небольшом немецком городе, что хоть и был промышленным центром и столицей земли, на неё многие из бывших советских граждан обижались! На её «неузнавающий взгляд», скользивший по ним. Оттого и считали высокомерной гордячкой, высокочкой, других презирающей, невесть почему?! Как говорили некоторые у неё за спиной – зазнайкой?! Правда, те, с кем она проживала в общежитиях, хоть и находили её «странной», т.е. непохожей на других, но считали «хорошим человеком»! Она поможет и письмо написать, и с чужими детьми занимается по-английски и по-французски, да и по многим другим предметам, да и не лезла она с расспросами ни в чужую жизнь, ни в чужую душу. А совет давала, если её только просили об этом! Они были едины в том, что много хорошего она людям сделала, хоть сама себе ладу дать не смогла, годы прожила в общежитии... Что можно было ей довериться, что не сплетница, а наоборот «хранительница чужих тайн», все в этом убедились... Только дивились ей, словно «белой вороной» среди всех, она была. Оттого, несмотря на то, что добро делала, всех она раздражала, вот эта совершеннейшая неподходящая не только раздражала, но часто озлобляла?!

Сама Нина об этом даже не догадывалась, она об этом знала! И, несмотря ни на что, не на мелкие колкости и мелочные подлости здешних знакомых, она только говорила себе, заклиная себя: « Ну, не надо испытывать моё терпение! Не дай Бог, сорвусь!»

И тут же утешала и ободряла себя: « Нет, не хочу и не буду т а к о й, какой вы хотите меня видеть! Ни за что! Как бы этого кому-то не хотелось!»

И потому постоянно, особенно в тяжёлые минуты, повторяла: « Но не волк я по крови своей...»

А вслед за соученицей по языковым курсам, в этот день, когда ей пришлось провести и в практиках русскоязычных врачей, произошло ещё несколько встреч, что подорвало не веру в человека, той теоретически не было давным-давно, но выбило из привычной колеи! Обычно же в минуту, когда кому-то было плохо, Нина забывала и о своём «неверии в человека» и обо всём этому сопутствующем. И принимала деятельное участие в улучшении ситуации, несмотря на недоумение и недоверчивость со «страдающей» стороны. Её это не настораживало, она на это просто не обращала внимания.

Самого общения ей хватало с единственной женщиной, с которой она познакомилась через два года после приезда, тогда же она с нею и подружилась. Одно существование этой её подруги, оправдывало существование остального человечества! К тому же было ещё несколько человек, что были не «людьми газеты», а «людьми книги», как и она. С ними она общалась тоже, правда большей частью телефонно.

Вот Нина и вернулась, после дня неприятных встреч, в свою «берлогу», в свою студию, (в таких обычно селились студенты) в единственную комнату, она же кухня, столовая и спальня, и некое подобие кабинета, с письменным столом и компьютером на нём.

На душе, обычно молчаливо-скорбной, было как-то особенно тяжело...

Включила компьютер и открыла страницу фейсбука – свою отдушину! Только там, в нынешние времена она нашла друзей, пусть и виртуальных, но друзей!

На одной страничке она нашла фотографии из так называемой, самопровозглашённой Приднестровской республики.

Нина взглядалась в фотографии, по виду тридцатилетней давности, но сделанных только недели три или четыре назад?!

Она хорошо помнила время, когда на территории цветущей республики началась братоубийственная война. Тогда и сама она с ужасом слушала сводки, и была счастлива, когда генерал Лебедь смог прекратить кровопролитие...

Она просматривала фотографии, удивительные, как бы ретроспективные по своей сути, но с е г о д н я ш н и е?! Такие знакомые и родные, хоть никогда не довелось ей побывать ни в Приднестровье, ни даже просто в Молдавии...

Названия нынешних, так и не переименованных, как всюду, улиц – поражали! Улица Лазо?! Нина еле вспомнила Сергея Лазо, сгоревшего в паровозной топке японцев на Дальнем Востоке, во время Гражданской войны! Улицы Советская, Калинина, Коммунистическая... Такие знакомые с детства, давно не встречавшиеся названия... Приkleенный к железу листок – поздравление с праздником Победы в Великой Отечественной войне, неработающие фонтаны, бившие некогда тугими струями... Всё это напоминало «зону» из кинофильма Андрея Тарковского «Сталкер» или фотографии безлюдной зоны Чернобыля после Катастрофы... Сидящие на скамейке, как и во всём мире, старушки... Больше на фотографиях, кроме этих мирно беседующих, пожилых женщин, людей не было... Но, что было очень интересно, так это то, что комментирующие фото фейсбуковцы, побывавшие в этом «затерянном мире», утверждали что «люди там – хорошие!» И в это верилось! А последняя фотография в этом убеждала...

Было видно, что этот плакат висел уже не один день, возможно и не одну неделю! Но никто его не сорвал, не ободрал, не приписал глупость, гадость, или матерное слово, как обычно это водилось. На этом большом картоне было выведено: «Мир нуждается в: Истине. Доброте. Терпении».

И ворота с этим плакатом были открыты...

Расплакавшаяся от счастья, Нина решила про себя, что она обязательно поедет туда и пройдёт в эти открытые ворота...

Языковые и иные проблемы Нины Дмитриевны и её Зоси

Похоронив сестру в Белгороде, отдав ключи племяннику, прилетевшему на похороны из Москвы, вернулась Нина Дмитриевна к себе в Харьков.

Квартира её «трамвайчиком» имела вид непрятливый; ещё бы, за последние семь лет приходилось сдавать её самым разным людям. Они не очень-то следили за ней, а ремонта не было лет десять, если не больше.

С собой привезла Нина Дмитриевна старую болонку, любимицу покойной сестры. Тихо жили они с Зосенькой – старая дева-учительница и старая домашняя собачка.

Почти половина соседей по подъезду были новыми, недавно въехавшими, ровесников Нины Дмитриевны не было вообще; либо умерли, либо переехали к детям или поближе к ним. Так что ей даже и поговорить было не с кем.

С утра и по вечерам выгуливала она свою невольную питомицу.

Как-то, на выгуле, в «собачьем скверике» неподалёку от дома разговорилась Нина Дмитриевна с крупным мужчиной, что не спускал с поводка большого пса. Разговор был ни о чём, о том, о сём. Нина Дмитриевна мелко похокатывала его шуткам, но неожиданно струнно напряглась, когда он вдруг стал расспрашивать её о родственниках да с кем она проживает, есть ли дети у неё и о прочем в этом роде, будто анкетировал её...

Она быстро распрошлась с ним и, подхватив на руки Зоську, заспешила домой. Да не так, как обычно, по прямой, а окольными путями.

Осадок от этого непонятно-неприятного разговора ещё несколько дней будоражил её, но постепенно сходил на «нет». В «собачий скверик» она больше не ходила.

Во дворе же и мамаши с детьми, и забивавшие в домино мужчины были недовольны присутствием Зоси.

Как-то один из мужчин обратился к ней, на его вислых усах белела пивная пена.

– Чего це вы з пsom не розмовляете на мови? Га?

Нина Дмитриевна растерялась, такого неожиданного вопроса она бы в жизни не ожидала.

– Я, я с нею по-русски говорю. Она мовы не понимает. Она из России!

Все мужчины даже не смеялись, словно гуси они гоготали.

– А что вы смеётесь, – проговорила Нина Дмитриевна, – вон у моего отца после войны был огромный волкодав. Это в подарок папе фронтовой друг привёз из Германии. И рассказал, что пёс принадлежал раньше высокопоставленному эсесовцу. И собака действительно постоянно была невесёлой, команд не хотела выполнять. А ветеринарный врач всё твердил, что пёс здоров?! Но вот как-то в гости к нам приехал мамин родственник, военный переводчик-германист. И он что-то крикнул псу по-немецки. Вы бы видели, как громадное животное ползло к нему на брюхе через всю комнату, преданно глядя на него! Так он с ним и уехал, собака ни на минуту не отходила от него! Они, как и люди, может даже и больше чем люди, преданы своему «родному» языку!

Забивавшие «козла», потрясённые, не возражая, молчали...

Начали Нина Дмитриевна с Зоськой ездить на трамвае в лесопарк. Там, в лесном одиночестве, было им обеим спокойно.

Нина Дмитриевна пыталась восстановить связи с бывшими, до её отъезда в Белгород, знакомыми. Хотя бы по телефону или письменно. Но ничего не получилось, люди либо умерли за эти годы, либо покинули Харьков, переехав к родственникам в Россию, либо переехали к детям и жили там на «птичьих правах», то есть по телефону долгие беседы вести было невозможно.

Только теперь ощущала Нина Дмитриевна правоту прочитанного когда-то в Библии, что «плохо человеку одному»! Да и материально им с Зоськой тяжко приходилось. И решилась она поменять свою квартиру на «однушку» с доплатой. Да не получилось, вот почему! Она обнаружила на старом дермантине двери надпись мелом:

«Тут живе стара собака та стара империалистка, обидви не розумиуть мовы, тильки москальську лайку!»

Нина Дмитриевна в слезах вытирала мокрой тряпкой этот идиотский текст. На дермантине остались меловые разводы.

«Что же делать? – думала она. – Здесь жить нельзя! И что с того, что перееду я на Алексеевку, тоже ничего не решит! А возможно там будет ещё хуже?! Вон люди рассказывали как на Алексе-

евке, прямо на стене, под крышей «высотки», нарисовали огромную свастику! Нет, если уж искала жильё, то в Белгороде, в России, где хоть какие-то сестрины знакомые остались, с которыми я подружилась!»

И действительно, Нине Дмитриевне помогли, нашли тёплую однокомнатную квартиру да ещё в кирпичном доме!

Настала весна, стала она собираться! Но во время сборов умерла старая Зося!

Соседка по площадке, тоже собачница, помогла Нине Дмитриевне захоронить труп на Шатиловке, где существовало нелегальное кладбище домашних животных.

Нине Дмитриевне не впервые было переезжать. Она была из семьи военнослужащего. Где только не пришлось им жить! И, когда, наконец, папа демобилизовался, то мама с облегчением вздохнула. Ещё и потому, что перед самой отставкой в шестидесятых папу перевели из Западной Украины, из Станислава, что потом переименовали в Ивано-Франковск, в Харьков! Мама ликовала; она не просто боялась, а страшилась жить на Западной Украине. Там погибла от рук украинских националистов её подруга, тоже врач. Но вспомнила Нина Дмитриевна, какое было потрясение, когда папе дали ордер на квартиру на улице им. Ярослава Галана?! С мамой случился обморок! Она кричала, что её это преследует, ведь и писатель Галан погиб, как и её подруга, от руки таких же убийц. После папиной отставки мама первым делом обменяла квартиру. «Не хочу жить на улице имени невинно убиенного!» – поделилась она с младшей дочерью Ниной.

«А сейчас что?!!» – думалось Нине, пакующей вещи, – переименование улиц в городе, «война с памятниками», тьма парней, кричащих и зиггающих, недоверчивые выражения лиц, все, включая даже маленьких детей, в вышиванках, эти несочетаемые сочетания жёлтого и голубого, буквально во всём, где надо и не надо, митинги и идущие шеренги мужчин в камуфляже... и вот этот, производимый пока только простыми людьми, но не запрещённый властью, что показательно: «Украина для украинцев»!

И что же остаётся всем тем, кто живёт здесь, но не украинцев, к тому же старииков?!

И сама же себе Нина Дмитриевна ответила: «Только п о б е г!»

На том она и успокоилась, ложась в свою холодную постель, в ночь накануне переезда.

